

На правах рукописи

Семенова Татьяна Витальевна

**ОСОБЕННОСТИ
ОБРЯДОВОГО КАЛЕНДАРЯ ЧУВАШЕЙ
В ЭТНОКОНТАКТНОЙ С ТАТАРАМИ ЗОНЕ**

Специальность 07.00.07. – этнография, этнология и антропология

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Санкт-Петербург – 2015

Работа выполнена в Отделе этнографии восточных славян и народов европейской части России Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Научный руководитель: доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник МАЭ РАН
Салмин Антон Кириллович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, руководитель
Этнографического научно-образовательного центра ИЭА РАН
Данилко Елена Сергеевна
кандидат исторических наук, заведующий
кафедрой этнологии и антропологии
Института истории СПбГУ
Новожилов Алексей Геннадьевич

Ведущая организация: Институт истории
имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Защита состоится « » _____ 2015 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 3).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 3.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

А.И. Терюков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В традиционной культуре этноса праздники и обряды являются неотъемлемой частью, они пронизывают все стороны жизни и играют в ней существенную роль. В них отражаются особенности мировоззрения, образа жизни народа, его общественный строй, этнокультурная история. Благодаря органической взаимосвязи основных компонентов народного календаря с другими составляющими традиционной культуры, обрядность признается исследователями своеобразной энциклопедией народного знания о мире, вмещающей ряд взаимосвязанных блоков, в которых отражена бытовая, хозяйственная, мифопоэтическая, языковая, фольклорная и многие другие аспекты повседневной жизни народа.

Рассматриваемые праздники и обряды являются важнейшим источником для разработки проблем этногенеза, этнических и хозяйственно-культурных взаимосвязей с другими народами региона и сопредельных территорий, этнографической характеристики народа, воссоздания его социальной и культурной истории, дальнейшей адаптации и развития современной обрядности.

Тема межэтнических и межконфессиональных отношений, взаимоотношений народов с соседними культурами и религиями является весьма актуальной для современной многонациональной России. В ежегодном послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин обозначил эту тему как важнейшую, в которой фокусируются многие проблемы социально-экономического и территориального развития Российского государства. «Межэтническое напряжение в России провоцируют не представители каких-то народов, а люди, лишенные культуры, уважения к традициям – как к своим, так и к чужим... Мы вместе должны справиться с этим вызовом, должны защитить межнациональный мир, а значит, единство нашего общества, единство и целостность Российского государства»¹. Отрадно отметить, что изучаемый регион признается спокойным и толерантным в России. При этом заметим: Среднее Поволжье является наиболее многонациональным и поликонфессиональным регионом России после Кавказа. Для Чувашской Республики, и особенно для чувашей, дисперсно расселенных по регионам России, данные вопросы особенно актуальны, так как в последние десятилетия заметно обострился вопрос сохранения самобытности и укрепления внутриэтнических связей. Южные районы Чувашской Республики находятся в зоне межэтнических контактов с татарами и

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 12.12.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения 12.12.2013).

мордвой. Именно на их примере сегодня хорошо прослеживаются особенности контактов с другими народами, в которых наиболее зримо выделяются взаимосвязи в области этнических традиций.

Проявление интереса к такому виду традиционной духовной культуры, как календарная обрядность, обусловлено тем, что она наиболее полно отражает мировоззренческие особенности разных хронологических уровней существования этноса, межкультурные взаимодействия и взаимовлияния. Трансформация обрядов происходила в условиях проникновения отдельных элементов культуры соседей, а часто даже целых обрядовых комплексов, в повседневность чувашей. Особенно активно происходили вхождение и закрепление в чувашской культуре народных традиций крещеных татар. Взаимопроникновение традиционных праздников, обрядов и норм повседневной культуры одинаково активно происходило как у чувашей и татар, проповедовавших ислам, так и у крещеных чувашей и татар. Многие обычаи легко проникали в культуру вместе с православными религиозными обрядами. Тесные межэтнические связи чувашей и татар накладывали значительный отпечаток на особенности традиционной обрядовой культуры чувашей. Сегодня продолжается активное межэтническое взаимодействие чувашей и татар, однако оно протекает в условиях постепенной утраты и трансформации традиционных обрядов.

С каждым годом становится все сложнее проводить сбор материала от информантов, так как XX–XXI века характеризуются «уходом» поколения чувашей, непосредственно проводивших традиционные праздники и обрядовые действия. Нынешние информанты, как правило, восстанавливают события, обычаи и обряды, бытовавшие в период их молодости. Тем не менее, в ходе многолетних «хождений в народ» зафиксирован и реконструирован ценнейший пласт традиционной обрядности, который без соответствующей фиксации и анализа стремительно уйдет в прошлое в условиях урбанизации и глобализации общества. Поэтому сбор, классификация и изучение календарных праздников и обрядов чувашей, проживающих в этноконтактной с татарами зоне, приобретают актуальное значение.

Объектом исследования является традиционный обрядовый календарь чувашского населения, проживающего в этноконтактной с татарами зоне, в основном – в южных районах Чувашской Республики. Естественно, рассматриваются и календарные праздники, связанные с проведением основных сельскохозяйственных работ.

Предмет исследования – структура и содержание обрядового календаря, его функции в повседневной жизни, а также факторы бытования и особенности развития его в этноконтактной с татарами зоне.

Хронологические рамки работы. Исследование охватывает исторический период со второй половины XVIII в. по сегодняшний день, особенно – до середины XX в., когда календарная обрядность как целостный комплекс активно бытовала в системе традиционной культуры. Вместе с тем

этот исторический период отличается кардинальными социально-экономическими преобразованиями, которые привели к серьезным изменениям жизнеустройства чувашского этноса. Изучение данного периода обеспечено репрезентативной источниковой базой, позволившей провести реконструкцию народного календаря согласно целям и задачам исследования.

Территориальные рамки исследования охватывают ареалы проживания низовых чувашей сельской местности Чувашской Республики, в частности Батыревский, Комсомольский, Шемуршинский, Яльчикский районы и часть территории Республики Татарстан, пограничную с Чувашской Республикой (Тетюшский, Буинский, Дрожжановский и Кайбицкий районы).

Степень изученности проблемы. Первые описательные материалы по обрядовому календарю чувашей и татар были собраны в XVIII в. В.Н. Татищевым, И.И. Лепехиным, П.С. Палласом, Г.Ф. Миллером, И.Г. Георги, К.С. Мильковичем². Во второй половине XIX – начале XX вв. исследователи рассматривали основные этапы обрядового календаря чувашей, в том числе касаясь проблемы влияния на верования чувашей мусульманства и православия (В.А. Сбоев, Н.И. Золотницкий, В.К. Магницкий, С.М. Михайлов, А.Ф. Риттих, епископ Никанор Каменский, А.С. Иванов, Ф.В. Виноградов, Я.Д. Коблов, Н.А. Архангельский, И.Н. Юркин, Н.М. Охотников, Дюла Месарош, Г.Т. Тимофеев)³. Опыт систематизации и

² Татищев В.Н. Предложение. О сочинении истории и географии российской. М., 1861; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1821; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773; Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб, 1791; Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей: в 4 ч. СПб., 1779; Милькович К.С. О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия / предисл. В.К.Магницкого. Казань, 1888.

³ Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. Казань, 1856; Он же. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М., 1865; Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875; Магницкий В.К. Беловолжская ярмарка: этнографические материалы. Казань, 1873; Он же. Материалы к объяснению старой чувашской веры: собр. В.К. Магницким в некоторых местностях Казанской губернии. Казань, 1881; Он же. Несколько данных о мишарях и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях. Казань, 1896. Михайлов С.М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004; Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870; Каменский Н. Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань, 1879; Иванов А.С. Чувашский праздник «Синьзя» и полевое моление о дожде и урожае «Учук» // Симбирские епархиальные ведомости. 1897. № 19; Виноградов Ф.В. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш. Симбирск, 1897; Юркин И.Н. Масленица у низовых чуваш (Ўсарни) // Симбирские губернские ведомости. 1893. № 9; Он же. К

анализа исторического, этнографического и лингвистического материала по обрядовому календарю чувашей представлен в трудах Н.В. Никольского, Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова⁴.

Новые подходы в изучении обрядового календаря чувашей и татар обозначились в XX – начале XXI вв. в статьях и монографиях Т.С. Пассек, К.В. Элле, П.В. Денисова, К.И. Козловой, Р.Г. Мухамедовой, Р.Г. Ахметьянова, В.П. Иванова, М.Г. Кондратьева, Р.К. Уразмановой, Е.А. Ягафовой, Е.С. Данилко, Р.Р. Исхакова, О.П. Вовиной, А.К. Салмина и др., раскрывающих целый ряд важных характеристик обрядового календаря и заложивших основы для более углубленного изучения этнокультурных параллелей в языке, религиозных верованиях, этнографии, фольклоре, этномузыковедении, вопросов межкультурного взаимодействия с соседними народами⁵.

суеверию чуваш // Симбирские губернские ведомости. 1893. № 11; Он же. Заметка о некоторых чувашских обычаях и предрассудках // Симбирские губернские ведомости. 1893. № 19; Он же. Заметка о праздновании св. Пасхи местными чувашами // Симбирские губернские ведомости. 1893. № 25; Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910; Архангельский Н.А. Масляница у чуваш // ИОАИЭ. Т. 26. Вып.5. 1910. С.483–488; Охотников Н.М. Записки чувашина о своем воспитании // ИОАИЭ. Казань, 1920. Т.31. Вып. 1. С. 19-48; Месарош Д. Сборник чувашского фольклора: в 2 т. Т. 1. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000; Тимофеев Г.Т. Тăхăръял. Шупашкар, 2002.

⁴ Никольский Н.В. Собрание сочинений. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. Т. I; Он же. Краткий конспект по этнографии чуваш // ИОАИЭ. Казань, 1911. Т.26. Вып. 6. С. 511–624; Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары, 2000. Т. I–XVII; Он же. Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани // ИОАИЭ. Т. 21. Вып. 1. С. 92–112; Комиссаров Г.И. О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма. Чебоксары, 2003.

⁵ Пассек Т.С. Круг чувашских праздников // Сборник АН СССР, посвященный академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 527–541; Элле К.В. Акатуй. Чебоксары, 1935; Денисов П.В. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959; Он же. Проявления языческо-православного синкретизма в религиозных верованиях чувашского крестьянства конца XIX – начала XX вв. // Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. Чебоксары, 1978; Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. М., 1964; Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972; Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М., 1978; Он же. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981; Иванов В.П. К вопросу о чувашско-татарских этнокультурных параллелях // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984. С. 103–120; Кондратьев М.Г. О чувашско-татарских этномузыкальных параллелях // Из наследия художественной культуры Чувашии. Чебоксары, 1991. С. 3–61; Он же. Музыкальный фольклор молькеевских крышен в свете чувашских параллелей // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Вып. III. Чебоксары, 1997. С. 29–69; Вовина О.П. Праздник *хёр сăри* – «девичье пиво» в календарной обрядности чувашей // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999. С. 71–82; Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб., 2007; Он же. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб., 2010; Он же. Энциклопедия традиционных обрядов и верований чувашей /Salmin Anton. The Encyclopedia of Chuvash Folk Rites and Beliefs. Lewiston, 2011;

Для сравнительного анализа нами были изучены работы Л.Н. Чижиковой и А.Г. Новожилова, в которых авторы рассматривают изменения в традиционной культуре, происходившие в пограничных регионах⁶.

Благодаря имеющимся работам складывается представление об обрядовом календаре различных территориальных групп чувашей и татар, однако специальных научных исследований по обрядовому календарю чувашей в этноконтактной с татарами зоне до настоящего времени не проводилось. Настоящая диссертационная работа призвана решить ряд поставленных выше актуальных вопросов.

Целью исследования является изучение обрядового календаря чувашей в этноконтактной с татарами зоне. Рассмотрение основного комплекса обрядов призвано внести определенный вклад в исследование особенностей традиционной культуры чувашей.

Для достижения поставленной цели были определены следующие исследовательские **задачи**:

- определить общие и локальные черты в праздничном и обрядовом календаре чувашей, проживавших и проживающих рядом с населенными пунктами татар;
- изучить обрядовый календарь чувашей в этноконтактной с татарами зоне в сравнении с таковым в других территориальных группах чувашей;
- дать структурно-содержательную характеристику обрядового календаря чувашей в этноконтактной с татарами зоне;
- проанализировать изменения в обрядовом календаре чувашей, связанные с социально-экономическими преобразованиями, процессами глобализации и урбанизации;

Уразманова Р.К. Современные обряды татарского народа: Историко-этнографическое исследование. Казань, 1984; Она же. Общeturкское и особенное в праздничной культуре татар Поволжья // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции, 9–13 июня 1992 г. В 3 т. Казань – М., 1997. С. 121–123; Она же. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – начало XX вв.). Казань, 2001; Она же. Обряд сорэн у народов Среднего Поволжья и Приуралья (конец XIX – начало XX века) // Расы и народы. Вып.29. М., 2003. С. 208–220; Ягафова Е.А. Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – нач. XX вв.). Чебоксары, 2007; Она же. Чуваша в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья // Мы и как удмурты, и как чуваша... Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях. М., 2007. С. 64–92; Данилко Е.С. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. С. 54–65; Исхаков Р.Р. Параллели в религиозно-мифологических картинах мира и обрядовости татар и чувашей: опыт историко-этнографической реконструкции. Чебоксары, 2013.

⁶ Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988; Новожилов А.Г. Динамика традиционной культуры сельского населения Псковского пограничья во второй половине XX в. (Печорский, Пыталовский, Палкинский районы) // Псков в российской и европейской истории. Т.2, М., 2003.

– исследовать состояние и степень сохранности традиционных элементов обрядового календаря чувашей в этноконтактной с татарами зоне.

Источниковую базу исследования составили несколько видов источников.

Для изучения обрядового календаря чувашей большую ценность представляют *архивные материалы*. Нами были использованы материалы четырех отделов Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук: отдел I – «Общий», в котором находятся рукописные архивы Н.И. Ашмарина и Н.В. Никольского и фольклорно-этнографические материалы, собранные видными учеными-этнографами Чувашии – В.К. Магницким, К.В. Элле и другими; отдел II – «История, археология», содержащий материалы по истории и археологии народов Поволжья; отдел III – «Фольклор, этнография» с фольклорными и этнографическими материалами, а также рукописными материалами экспедиций, проведенных сотрудниками института в 1961 и 1984 гг. в Татарскую АССР и районы ЧАССР; отдел VIII, где хранится фотографический материал экспедиций, проведенных сотрудниками института.

В следующую группу источников входят *полевые этнографические материалы*, собранные автором в 2008-2013 гг. в Чувашской Республике (в Батыревском, Комсомольском, Шемуршинском, Яльчикском районах), т.е. в ареале проживания низовых чувашей (вернее их называть полевыми, или степными), а также на территории Республики Татарстан, в частности, в граничащих с Чувашской Республикой Тетюшском, Буинском, Дрожжановском и Кайбицком районах.

К другой группе источников относятся *опубликованные материалы*, включающие монографии, сборники статей, фольклорные записи, заметки из периодической печати, начиная со второй половины XVIII в. до наших дней.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка комплексного изучения обрядового календаря чувашей в этноконтактной с татарами зоне. В монографической форме реконструирован сам обрядовый календарь, совпадающий с сезонными занятиями крестьянской деревни. Характеризуются основные компоненты, временные и содержательные структуры; анализируются мировоззренческие особенности восприятия утилитарного, сакрального и развлекательного компонентов данной сферы обрядности. Впервые исследован обрядовый календарь во взаимодействии с аналогичным обрядовым комплексом татар, а также, частично, мишарей и кряшен. Выявлены общие и особенные черты календарных обрядов и праздников и схожих ритуальных форм чувашей других регионов и соседних народов Поволжья.

Впервые вводится в научный оборот полевой материал, собранный автором в Батыревском, Комсомольском, Шемуршинском, Яльчикском, Ядринском, Шумерлинском районах Чувашской Республики и Тетюшском, Буинском и Дрожжановском районах Республики Татарстан в 2008–2013 гг.

Методология и методы исследования. В процессе работы над диссертацией использована *методология сравнительно-исторического исследования*⁷, позволившая выявить основные аспекты обрядового календаря чувашей и татар в ее трансформации и развитии (особенно на протяжении XIX–XX вв.). Хотя следует учесть, что традиционный народный календарь чувашей представляет собой сложное, многоаспектное явление, интерпретация которого возможна в рамках различных методологических приемов и концептуальных подходов.

В диссертационном исследовании автор опирался на теоретико-методологические разработки ведущих отечественных и зарубежных исследователей, особенно – В.Я. Проппа, К.В. Чистова, А.К. Байбурина, Е.С. Данилко, А.К. Салмина, Е.А. Ягафовой, Р.К. Уразмановой, Р.Р. Исхакова.

В полевых условиях широко применялась *методика сбора* устных историко-этнографических источников (наблюдение, опрос, интервьюирование и анкетирование). Для решения поставленной цели и задач использован сравнительный метод; типологический и классификационный методы применялись для выделения общих и особенных черт обрядового календаря чувашей в этноконтактном с татарами ареале; реконструктивный метод предоставил возможность показать обрядовый календарь чувашей, имевший место в начале рассматриваемого периода; а обобщение и систематизация архивных и опубликованных материалов – возможность проследить адаптацию и развитие обрядового календаря чувашей и татар.

Основные положения, выносимые на защиту:

- анализ календарных праздников и обрядов по сезонам (весна, лето, осень, зима). Это деление связано как с природно-фенологическими изменениями, так и с основными сельскохозяйственными циклами;
- многие традиционные праздники весеннего, летнего, осеннего и зимнего циклов слились или совпали с христианскими: *кӳшарни* – Крещение, *мӳн кун* – Пасха, *калӳм* – Страстная неделя и Лазаревая суббота, *вирӳм* – Вербное воскресенье, *ӳимӳк* – Троица, *ӳинӳе* – Духов день, *кӳр сӳри* – осенние поминальные церемонии;
- обрядовый календарь низовых чувашей в этноконтактной зоне обнаруживает как общие, так и специфические черты в сравнении с аналогичным календарем татар, что указывает на их историческую и культурную общность, с одной стороны, на их особенности – с другой;
- обрядовый календарь подвержен изменениям в форме, содержании, пространственно-временных параметрах, что позволяет рассматривать его в русле трансформационных процессов общественного развития;

⁷ Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014.

– на современном этапе развития праздничной и обрядовой культуры чувашей произошли структурные преобразования, в ней появляются события со старыми названиями, но с новой смысловой и функциональной нагрузкой.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Изучение обрядового календаря чувашей в этноконтактном с татарами ареале является необходимым условием для более глубокого понимания и всестороннего изучения истории, этнографии и культуры чувашского народа. Результаты исследования вносят в изучение современных этнокультурных процессов в регионе в целом новую совокупность источников.

Результаты исследования могут использоваться для сравнительно-исторического изучения общих закономерностей и механизмов культурного взаимодействия этносов, проживающих в полиэтничной среде. В настоящее время в нашем обществе стали уделять больше внимания проблемам развития народов и этнических групп, в связи с этим особенно усиливается значимость изучения своеобразия праздников и обрядов.

Материалы диссертационного исследования, расширяющие представления о духовной культуре чувашского народа, могут быть использованы при разработке курсов и спецкурсов по этнографии, культурологии, краеведению, фольклору; применяться в лекционно-теоретическом курсе по проблемам культуры чувашского народа; в организации досуга населения.

С ростом национального самосознания проявляется интерес как к народной культуре в целом, так и к календарной обрядности в частности. При этом праздничную сторону обычаев и обрядов можно широко использовать в культурно-просветительной работе в ходе комплектования музейных фондов, оформления экспозиций и тематических выставок по традиционной культуре и верованиям чувашей, написания сценариев для самодеятельных выступлений, реконструкции забытых звеньев праздничной культуры.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были изложены в докладах на всероссийских, региональных и республиканских научных конференциях и конгрессах: на VIII Конгрессе этнографов и антропологов России (Оренбург, 2009 г.), IX Конгрессе этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 2011 г.), X Конгрессе этнографов и антропологов России (Москва, 2013 г.); а также в выступлениях в Инзе (2010 г.), Уфе (2009 г.), Глазове (2008 г.), Чебоксарах (2008, 2011, 2013 гг.).

По теме опубликовано 16 статей, в том числе 3 – в журналах, входящих в Перечень рецензируемых изданий по списку ВАК.

Работа обсуждена и одобрена на заседании Отдела этнографии восточных славян и народов европейской части России МАЭ РАН.

Структура работы определена целью и задачами исследования. Диссертационное сочинение состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ И ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во «**Введении**» обосновывается актуальность темы, устанавливается степень разработанности проблемы, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, методологическая основа, территориальные и хронологические рамки работы, характеризуется источниковая база, формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава «**Традиционные праздники и обряды весеннего цикла**» посвящена исследованию достаточно продолжительного отрезка времени года от февраля до июня, относящегося к весеннему периоду народного календаря. Наступление настоящей весны связано с праздником *мӑн кун*, а завершение этого периода – с *Акатуем/Сабантуем*.

В разделе 1.1 «**Мӑн кун: поминовение усопших родственников**» рассмотрен праздничный цикл *мӑн кун*, являющийся одним из центральных в обрядовом календаре чувашей. Он включал в себя: 1) обряды общественного поминовения предков, проводимые семейно-родственными группами; 2) обряды с элементами магии для обеспечения успеха в новом году. Из-за введения нового стиля – календаря содержание этого комплекса обрядов был перенесен на рождественско-новогодний цикл, но в традиционной форме бытовал по прежней временной схеме⁸.

В пасхальном цикле определены общие черты, характерные как для чувашского, так и для татарского обрядового календаря. Например: очищение (мытьё) жилищ и хозяйственных построек, подворный сбор крашенных яиц в деревнях кряшен, татар-мишарей; у казанских татар его проводили в комплексе *Сабантуя*; обряд сажания на подушку первого вошедшего с целью лучшего высиживания домашними птицами цыплят, игры с яйцами *күкӑйле (йомыркалы) уен* (были характерны для всех групп татар); обряд изгнания духов *бэрмэнчӑк* у крещеных татар, татар-мишарей, причепецких татар (аналог чувашского *вирӑм*).

В разделе 1.2 «**Акатуй: праздник земли и сохи**» анализируется весенний праздник чувашей, посвященный земледелию, в сравнении с аналогичным земледельческим праздником татар. Рассматривая обрядовые действия, проводившиеся во время *Сабантуя* и *Акатуя*, можно сделать вывод, что практически весь праздничный комплекс у чувашей и татар имел общую основу и был очень близок в смысловом, структурном и функциональном планах. Первоначально *Сабантуй*, как и *Акатуй*, состоял из двух элементов: 1) обрядовой заправки с различными магическими церемониями и жертвоприношениями для обеспечения хорошего урожая и 2) состязаний, игр и увеселений, т.е. светской части. Основой праздника была

⁸ Ягафова Е.А. Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI века. Самара, 2007. С. 19.

обрядовая заплата с различными магическими обрядами и церемониями, а игры и состязания подчеркивали важность этого праздника в жизни земледельца. Чуваши и татары, проживающие по соседству, с удовольствием ходили друг к другу на светскую часть этих праздников, участвовали в соревнованиях и других увеселениях. *Акатуй* и *Сабантуй* во всех регионах их проведения рассматриваются как важнейшие общественные мероприятия, направленные на сохранение и популяризацию национальной культуры, формирование устойчивых добрососедских отношений в поликультурном обществе.

Во второй главе «**Традиционные праздники и обряды летнего цикла**» исследован летний и самый непродолжительный сезон года, куда входили такие праздники и обряды, как *шимёк*, *шинсе*, *Учук*, *шумар чу́к*, *Уяв/Вайй*, *питрав*, *ёлен*.

В разделе 2.1 «**Шимёк: семицко-троицкие праздники и обряды**» характеризуется летний родовой праздник по символическому кормлению духов предков. Русское, чувашское и татарское слова *семик*, *шимёк* и *симек* одинаково восходят к русскому *семь*, т.е. седьмой четверг от *ман куна* (≈ Пасхи), а исконно по времени проводились вечером с четверга на пятницу. Великий четверг выделялся особо и считался днем, благоприятствующим общению с умершими родственниками. Эта дата также выделялась как день поминовения усопших и у татар-мусульман. Для всех праздников общественного поминовения у обоих соседних народов был характерен ряд общих обрядовых действий. Обязательно топилась баня, готовились поминальные блюда.

В разделе 2.2 «**Шинсе: праздник покоя земли**» анализируется период покоя земли, в течение которого строго соблюдался запрет на выполнение строительных и земледельческих работ. Время *шинсе* напрямую зависело от календаря земледелия и наступало через две-три недели после окончания посева яровых и посадки овощей.

В разделе 2.3 «**Учук: полевое моление**» освещаются общественные жертвоприношения, направленные на умиловление высших сил с целью получения обильного урожая и хорошего приплода скота: *Учук* у чувашей, у татар-кряшен – *корман*, у татар-мусульман – *корбан*. В зависимости от сложившейся традиции и материальных возможностей чувашаи, как и татары, в жертву приносили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, домашнюю птицу. Татары-мусульмане моление проводили по мусульманскому обряду – совершали *намаз*. У татар-кряшен и чувашей инициаторами и основными действующими лицами моления были старейшины, хранители веры предков. Главным моельщиком считался старик, совершавший акт закалывания животного. Общими моментами в проведении обряда у чувашей, татар-кряшен и татар-мусульман являются: акт совершения жертвоприношения, варка мяса и приготовление на бульоне каши, общественная трапеза. Сохранение этого праздника у татар-мусульман, в отличие от других обрядов, имевших в своей основе древние политеистические представления,

связано с тем, что он в целом не противоречил нормам ислама и довольно легко облекался в его внешние формы. В смешанных по национальному составу общинах в молении *Учук* принимали участие наряду с чувашами татары и марийцы.

Раздел 2.4 «*Сумър чўк*: обряды вызывания (инициирования) дождя» посвящен исследованию традиционного обряда вызывания (испрашивания) дождя, характерного для татар и чувашей. Исследователь Р.К. Уразманова выделяет три варианта обряда вызывания дождя у татар с конкретными ареалами бытования. Независимо от форм проведения обряда его логическим завершением было массовое обливание водой не только участников, но и всех жителей деревни. В исследованных нами населенных пунктах присутствовало специальное обрядовое место, где совершался *сумър чўк* и куда ходили, в основном, дети и лица женского пола. Как правило, на месте варили яйца, кашу, пекли лепешки. В локальных вариантах наименования продуктов могли меняться. Наряду с общими моментами в проведении обряда моления о дожде у татар-кряшен и чувашей (специальное место для проведения обряда, подворный сбор продуктов, приготовление и коллективное угощение кашей, массовое обливание) главным отличием можно считать то, что у чувашей отсутствовал приоритет женщин.

В разделе **2.5 «*Уяв/Вайй*: хороводы»** дается характеристика весенне-летнему периоду молодежных игрищ и хороводов. В разных местах проживания чувашей слово *Уяв* имеет различные оттенки значения, особенности проведения и варьирования сроков. *Вайй* – самый распространенный термин, бытовавший в низовой зоне, а также в Приволжье, Заволжье и Приуралье, а термин *Уяв* был представлен в Закамье, Заволжье и Приуралье. Традиции *Уяв/Вайй* наиболее ярко проявлялись среди низовых чувашей, где они имели наиболее выраженную форму массового обрядового действия с богатым фольклорным содержанием. Традиции *Вайй* у присвияжской группы низовых чувашей, а также *Уяв* закамских чувашей обнаруживают наибольшую близость с *джиенами*. С принципом «джиенных округов» у татар, состоявших из селений, связанных между собой традицией очередности проведения праздника, можно сопоставить обычай проведения совместных и поочередных игрищ и хороводов с гостеванием, бытовавшим в данной местности. Аналогия *Вайй* с *джиенами* также прослеживается в сроках начала и завершения соответствующей традиции (от сева до сенокоса), определяемых фенологическими явлениями. Татарские хороводы *Уен* во время джиенных праздников практически совпадают с чувашским *Уявом* по форме, структуре и срокам проведения, так как разделены на дневные и вечерние хороводы (*кичке уен* (тат.), *каҫхи уяв* (чув.)), включающие совместные игрища молодежи нескольких деревень. Возможно, что к большому сходству рассмотренных явлений привело историческое родство указанных групп татарского и чувашского этносов, а также территориальная близость селений татар и чувашей, повлекшая межкультурные заимствования. Совместное проведение игрищ и хороводов

способствовало сохранению устойчивой традиции *Уяв/Вайй* у чувашей в контактной чувашско-казанскотатарской зоне Присвияжья, Заволжья, Закамья и Приуралья, тогда как в Приволжье, по соседству с мишарями, у которых не было *джиенов*, чувашаи отчасти утратили эту традицию, обогатив ее при этом инокультурными элементами славяно-финно-угорского происхождения (например, «проводы весны»).

Раздел 2.6 «Питрав: Петров день» посвящен сравнительной характеристике важного рубежа летнего периода у чувашей и кряшен. В весенне-летний период существовал ряд запретов на употребление ягод и овощей и контакты с растительным миром: цветами, цветущими зерновыми культурами, ягодами. Петров день является наивысшей точкой расцвета природы, именно к Петрову дню завершалось цветение хлебов, снимались запреты на косьбу травы. С наступлением Петрова дня *питрав/питрау* молодежные праздники завершались. Начиналась горячая пора: сенокос, паровая пашня, уборка урожая.

В разделе **2.7 «Ёлен: Ильин день»** праздник примечателен как важный рубеж между летом и осенью и рубеж хозяйственных работ. К этой дате завершался сенокос, начиналась жатва. Один из устойчивых комплексов представлений, связанных с *ёлен* и распространенных повсеместно в местах проживания чувашей, связан с запретом купаться после этого праздника. Разнообразные комплексы обрядности связывают *ёлен* как с летним, так и с осенним периодом народного календаря. С ним ассоциируется комплекс представлений о начале употребления в пищу нового урожая картофеля.

Третья глава **«Традиционные праздники и обряды осеннего цикла»** посвящена исследованию праздников и обрядов, проводившихся по завершении уборочной страды, сбора нового урожая с целью обновления взаимоотношений со своими предками, покоящимися в ином мире. В течение октября-ноября у чувашей происходили благодарственные моления и обряды, поэтому они и получили в народном календаре названия *юна уйӑхӗ* – месяц установления намогильных столбов, *чӱк уйӑхӗ* – месяц жертвоприношений.

В разделе **3.1 «Жертвенный сноп: праздник окончания полевых работ»** рассматриваются обрядовые действия, моления и совместная еда семьи в связи с окончанием работ на овине. Они во многом схожи с другими семейными ритуалами – *килӗш пӑтти*, обрядом почитания божества *Хӗртсурт* и *карта пӑтти*. У татар-кряшен также практиковались моления после сбора урожая. Глава семьи отправлялся в поле, совершал там моление в честь божества-хозяина земли. Совершал жертву курятиной. С исчезновением семейных овинов ушел в прошлое и сам обряд «Жертвенный сноп». Ныне сохранились лишь рудименты в виде оставления снопа на току и разрывания дужки курятины.

Раздел 3.2 «Кӗр сӑри: почитание духов предков» посвящен анализу осеннего родового праздника по символическому угощению духов предков. Учитывая, что урожай во многом зависел от расположенности духов

предков, *кёр сәри* приходился на конец месяца *юна* после полнолуния. В современном календаре *кёр сәри* соотносится с октябрем-ноябрем. В православном календаре для *кёр сәри* ориентиром может быть Дмитриевская (родительская) суббота. У молькеевских кряшен самый большой праздник, посвященный чествованию духов предков, назывался *родитель* и приходился на время полного завершения уборочной страды. *Родитель* праздновали целую неделю, начиная с субботы. У большинства групп чувашей в конце XIX – начале XX вв. слились два обряда: обряд поклонения духам предков и благодарственное моление божееству *Турӑ* за новый урожай (*чўклеме* или *сәра чўк*). Молькеевским кряшенам известен обряд осеннего поклонения духам предков *кучат сырасы* «петушиное пиво», проводившийся во время праздника *родитель*, посвященного чествованию духов предков и приходившийся на время полного завершения уборочной страды.

В разделе 3.3 «*Карта пӑтти: праздник в честь благополучия скота*» рассматривается семейное моление чувашей и крещеных татар о сохранности и размножении скота, проводившееся один раз в год. Оно следовало за такими домашними ритуалами, как *кёр сәри* и *килӗш пӑтти*. Время проведения – осень, когда с полей свезена солома, а скот переводится на зимние условия содержания. Подготовкой и проведением обряда занималась семья. В этот день все члены семьи оставались дома. На более позднем этапе ритуал исполнялся за всю родню только в коренном доме. В качестве основной пищи готовилась каша, ее варили на скотном дворе. Молельщиком выступал глава дома или старший по возрасту. В день моления скотину кормили сытнее обычного, стелили новую солому, она весь день была на вольном выпасе.

В разделе 3.4 «*Килӗш пӑтти: праздник в честь благополучия семьи*» исследуется благодарственный праздник за хороший урожай от имени семьи. При молении использовалась каша из нового урожая, испрашивалось плодородие на следующий год. Приготовлением занимался тот, кто молился за семью. Обряд проводился два раза в год: в начале лета в честь «наступления» на новую траву и в начале зимы в честь «наступления» на первый снег. В обрядовом календаре летний *килӗш пӑтти* следует за *мӑн кун* и общесельским ритуалом *Учук*, а осенний – после родового обряда почитания духов предков.

Раздел 3.5 «*Чўклеме: праздник по случаю начала употребления нового урожая*» посвящен древнему родовому празднику по случаю начала употребления нового урожая. Пища готовилась из урожая, выращенного непременно в этот год, выбирались первинки. Другое название – «Моление новым хлебом». Проводился он раз в год и на *чўклеме* обязательно приглашали близкую родню из других деревень, которые обычно приходили парами, т.е. мужа с женами. Как одно из значимых мероприятий в кругу родовых обрядов, оно не практиковалось в каждой семье в отдельности, вся родня собиралась в коренной дом рода. Праздник нового хлеба имел повсеместное и широкое бытование, однако эволюция праздника в XX в.

происходила в сторону его исчезновения. Социально-политические и экономические реформы советского общества во второй половине 20-х – начале 30-х гг. внесли свои коррективы.

В четвертой главе «Традиционные праздники и обряды зимнего цикла» рассматривается один из самых продолжительных циклов в традиционном календаре. Поэтапность сезонных изменений в природе позволяет выделить особые «переходные» периоды осенне-зимнего и зимне-весеннего порубежья.

В разделе 4.1 «Ларма: межсельские девичьи посиделки» показан обряд, проходивший в рамках традиционной крестьянской этики и предусматривавший общение молодежи. Татарские молодежные увеселения *аулак ой* «посиделки», устраиваемые девушками в каком-либо доме, когда хозяин уезжал, а в доме не оставалось мужчин, схожи с чувашскими посиделками *ларма*. Отличительной чертой *ларма* от *аулак ой* можно считать то, что в первом случае парни могли свободно посещать посиделки, а во втором случае дом, где происходила вечеринка, считался запретным для мужчин. В исследованном нами ареале обряд *ларма* прекратился после Великой Отечественной войны, а татарский *аулак ой* – после 1917 г.

Раздел 4.2 «Хёр сәри: девичье пиво» посвящен исследованию праздника девушек, организация которого предназначалась для демонстрации определенных качеств и являлась своеобразным экзаменом для девушек, символически подтверждая статус их принадлежности к брачной возрастной группе. Время проведения праздника сильно варьировалось в зависимости от локальных традиций этнографических групп чувашей. Сроки проведения праздника *хёр сәри* у группы низовых чувашей в целом совпадали с девичьими пирами крещеных татар в зонах их этнокультурных контактов на западе Тетюшского и на юго-востоке Цивильского уездов и хронологически соответствовали *кәшарни* – празднику периода зимнего солнцестояния, особо отмечавшегося у кряшен, татар-мишарей и чепецких татар, а казанские татары специального праздника, игрищ не проводили. Праздник *хёр сәри* не замыкался в рамках одного селения, так как основной его смысл заключался в расширении родственных и пространственных границ. К числу основных гостей принадлежали девушки-сверстницы, подруги, как правило, уже знакомые с устройщицами пира по родственным, хозяйственно-бытовым связям и вовлеченные в сферу контактов по существующим между различными селениями традициям проведения совместных молодежных праздников, хороводов, посиделок. В зонах этнокультурных контактов участницами пира становились девушки разных национальностей. Последние обряды *хёр сәри* проводились в 50-е гг. XX в. уже в трансформированном виде. В Яльчикском, Батыревском и Комсомольском районах ЧР *хёр сәри* приравнивался к *улах сәри*.

В разделе 4.3 «Улах: общесельские молодежные посиделки» исследован общесельский молодежный обряд, носивший увеселительный

характер. *Улах* начинались с наступлением осени и длились всю зиму. В основном начинали собираться после окончания полевых работ и стрижки овец и завершали накануне *мӑн куна* или *Џӑварни*. Собирались почти каждую ночь. Наиболее типичным местом для сбора на *улах* являлся дом, чьи хозяева уезжали погостить на несколько дней. Обычно окна таких домов плотно занавешивались, а в зимнее время закрывались ставнями. Это делалось с целью ограждения от нежелательных глаз. Хорошим местом мог служить дом вдовы или одинокой старухи, как правило, бедной, которой платили деньги за аренду. Используемое помещение девушки отапливали и освещали по очереди. Могли выбрать и нежилую избу в деревне. В татарских деревнях посиделки *урнаш ӧй* тоже проводились в доме, хозяева которого отсутствовали, у них посиделки носили характер складчины. Ее организовывали преимущественно парни, но иногда и девушки, причем в обоих случаях они проходили одинаково. Основная особенность *урнаш ӧй* заключалась в том, что двери были открыты и для парней, даже если мероприятие устраивалось только девушками. Сюда собирались исключительно для отдыха и веселья, поэтому никакой работы с собой не брали. Мусульманское духовенство негативно относилось к посиделкам, поэтому о них знал ограниченный круг лиц, нередко были случаи разгона *урнаш ӧй*. *Улах* перестает бытовать вместе с исчезновением традиций вследствие изменения социальных отношений. В исследуемых нами районах – в 60-х гг. XX в.

Раздел 4.4 «Сурхури: праздники, обычаи и обряды от Рождества до Крещения» посвящен анализу традиционного комплекса святочных обрядов и развлечений чувашей. С принятием христианства этот национальный праздник нового года совпал с христианским рождеством (*раштав*) и продолжался до крещения (*кӑшарни*). *Сурхури* в XIX в. содержал много общих элементов со святочными и новогодними обрядами марийцев, мордвы, татар и русских. Исследователь Р.К. Уразманова отмечает, что период зимнего солнцестояния особо отмечался у кряшен, татар-мишарей и чепецких татар, а казанские татары специального праздника, игрищ не проводили. В обрядах новогоднего цикла чувашей много совпадений с обрядами татар-кряшен. Например, молькеевские кряшены в святочные дни проводили гадания и ловили овец, вскладчину готовили «новогоднюю кашу» и варили пиво, а молодежь проводила *кыз сырасы* «девичье пиво». Группа ряженных, как и чувашаи, обходила дома жителей с благопожеланиями: «Пусть будет много ягнят, пусть будет много скота»⁹. Гадания на кольцах *жезек салыш*, *нардуган*, *йӧзек салу* по форме и содержанию совпадали с аналогичными гаданиями у чувашей Заволжья и Приуралья и занимали

⁹ Уразманова Р.К. Годовой цикл общественных обрядов молькеевских кряшен: похоронно-поминальная обрядность // Молькеевские кряшены. Казань, 1993. С. 78–79.

существенное место среди новогодних гаданий кряшен, мишарей и нагайбаков¹⁰.

В разделе 4.5 «*Кйшарни: Крещение*» описывается важная пограничная дата, завершающая период святок и цикл святочной обрядности, включающая в себя охранительные и очистительные обряды.

В разделе 4.6 «*Сйварни: встреча весны*» представлен анализ сложного и развернутого комплекса со своей внутренней структурой, взаимосвязанностью и взаимодополняемостью основных элементов обрядности. В масленичном обрядовом комплексе общими компонентами, как для чувашей, так и для молькеевских кряшен были: встреча, катание с горок и на лошадях, хождение друг к другу в гости; угощение блинами, проводы. В татарском селе Молькеево первый день Масленицы был особенно значимым, так как каждая хозяйка с нетерпением ожидала первого посетителя. Хозяйка стремилась усадить гостя на подушку. Считалось, что если он сидел спокойно, то куры будут хорошо высиживать цыплят. Для чувашей группы девяти чувашских деревень в бассейне Свяги Буинского уезда Симбирской губернии (*Тәхәръял*) также был характерен обычай сажать пришедшего первым на подушку и угощать блинами.

В пятой главе «**Формирование обрядового календаря на современном этапе**» в качестве дополнения к теме дается характеристика деятельности национально-культурных объединений в Чувашской Республике и межэтническим взаимодействиям в обрядовом календаре.

В разделе 5.1 «**Деятельность национально-культурных объединений на территории Чувашии**» рассматривается работа, связанная с возрождением национальных традиций и обычаев, а именно: прививание членам навыков идентификации себя, интегрирование в другие этнические общества. Благодаря деятельности национально-культурных объединений, создаются условия для возрождения и поддержания родного языка, традиций, культур, способствующие формированию у представителей этнических групп национального самосознания и представляющие уникальные возможности для осуществления процесса этнической социализации. Объединения своей деятельностью выполняют этноконсолидирующую функцию, оптимизируют процесс этнической стратификации и способствуют формированию благоприятной этносоциальной среды. Национально-культурными объединениями проводятся национальные праздники, значительно обогащающие культурный мир и сохраняющие самобытность народов, компактно проживающих в Чувашской Республике.

Раздел 5.2 «**Межэтнические взаимодействия**» посвящен проявлению межэтнического взаимодействия в обрядовом календаре, который следует

¹⁰ Уразманова Р.К. Годовой цикл общественных обрядов и праздников нагайбаков // Нагайбаки. Казань, 1995. С. 75–77.

рассматривать в контексте особенностей чувашско-татарских контактов в целом.

Современные процессы взаимной социокультурной адаптации и межкультурного взаимодействия в изученных поселениях определяются двумя основными тенденциями: 1) постепенное размывание традиционного пласта этнической культуры, вытеснение или замещение ее элементов надэтническими, связанными с ориентацией на городской образ жизни (активная русификация); 2) повышение степени открытости этнических культур для различных взаимодействий и большей коммуникативности (увеличение числа смешанных браков, участие в традиционных праздниках и обрядах друг друга).

В «**Заключении**» подведены итоги проведенного исследования, сформулированы выводы, обобщен имеющийся материал по теме.

Обрядовый календарь чувашей как оригинальная система религиозно-обрядовых воззрений сохранял функциональную значимость в культуре чувашей на протяжении столетий, несмотря на активную исламизацию, христианизацию и советизацию. В течение XX столетия он подвергся существенным изменениям, продолжая играть заметную роль в жизни чувашского крестьянства. С принятием ислама многие доисламские верования и обряды у татар были вытеснены, однако их пережиточные явления сохранялись долго, а некоторые из его элементов вошли в состав мусульманских воззрений. Кроме того, ислам оказал заметное влияние на старую веру чувашского народа. Чувашаи, не имевшие свое государственное образование, искали в исламе прибежище и старались приобщиться к соседней татарской культуре. В их числе: обычай ритуального омовения, произнесение слова *пёсмёлле* при совершении жертвоприношения, наличие мусульманских имен в антропонимике чувашей.

Обрядовый календарь в диссертации анализировался по основным сезонам (весна, лето, осень, зима), определялись общие и локальные черты в праздничном и обрядовом календаре чувашей, проживающих рядом с населенными пунктами татар. В пасхальном цикле определены сходные черты, характерные как для чувашского, так и татарского обрядового календаря: подворный сбор крашеных яиц в деревнях кряшен, татар-мишарей, у казанских татар его проводили в комплексе *Сабантуя*; игры с яйцами *күкэйле (йомыркалы) уен* (характерны для всех татар); обряд изгнания духов *бэрмэнчэк* у крещеных татар, татар-мишарей, причепецких татар (аналог чувашского *вирём*); обряд сажания на подушку первого вошедшего, очищение (мытьё) жилищ и хозяйственных построек (молькеевские кряшены).

Особое место в религиозной традиции народов Среднего Поволжья занимали общественные жертвоприношения, направленные на умилоствление высших сил с целью получения обильного урожая и хорошего приплода скота. В зависимости от сложившейся традиции и материальных возможностей чувашаи, как и татары, в жертву приносили

крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, домашнюю птицу. Татары-мусульмане моление проводили по мусульманскому обряду – совершали *намаз*. У татар-кряшен и чувашей инициаторами и основными действующими лицами моления были старейшины, хранители веры предков. Общими моментами в проведении обряда у чувашей, татар-кряшен и татар-мусульман являются: совершение жертвоприношения, приготовление на основе жертвенного мяса каши, общественная трапеза. В смешанных по национальному составу общинах в молении *Учук* принимали участие наряду с чувашами татары и маришцы.

Обряд вызывания (инициирования) дождя был характерен для всех татар и чувашей. Исследователи выделяют три варианта обряда вызывания дождя у татар с конкретными ареалами бытования. Независимо от формы обряда его логическим завершением было массовое обливание водой не только участников, но и всех жителей деревни. Наряду с общими моментами в проведении обряда моления о дожде у татар-кряшен и чувашей (специальное место для проведения обряда, подворный сбор продуктов, приготовление и коллективное угощение кашей, массовое обливание) главным отличием можно считать то, что у чувашей при молениях о дожде, как правило, отсутствовал приоритет женщин.

Традиция *Вайй* у присвияжской группы низовых чувашей, а также *Уяв* закамских чувашей обнаруживает наибольшую близость с *джиенами*. С принципом «джиенных округов» у татар, состоявших из селений, связанных между собой традицией очередности проведения праздника, можно сопоставить обычай проведения совместных и поочередных игрищ и хороводов с гостеванием, бытовавшим в данной местности. Аналогия *Вайй* с *джиенами* также прослеживается в сроках начала и завершения соответствующей традиции (от сева до сенокоса), определяемых фенологическими явлениями. Татарские хороводы *Уен* во время джиенных праздников практически совпадают с чувашским *Уявом* по форме, структуре и срокам проведения, так как разделены на дневные и вечерние хороводы. Возможно, к большому сходству рассмотренных явлений привели историческое родство указанных групп татарского и чувашского этносов, а также территориальная близость селений татар и чувашей, повлекшая межкультурные заимствования. Совместное проведение игрищ и хороводов способствовало сохранению устойчивой традиции *Вайй/Уяв* у чувашей в контактной чувашско-казанскотатарской зоне Присвияжья, Заволжья, Закамья и Приуралья, тогда как в Приволжье, по соседству с мишарями, у которых не было *джиенов*, чувашаи отчасти утратили ее, обогатив при этом инोकультурными элементами славяно-финно-угорского происхождения.

Цикл осенних благодарственных молений начинался с момента получения зерна нового урожая. У большинства групп чувашей в конце XIX – начале XX вв. слились два обряда: обряд поклонения духам предков и благодарственное моление божееству *Турй* за новый урожай. Молькеевским кряшенам известен обряд осеннего поклонения духам предков *кучат сырасы*

«петушиное пиво», проводившийся во время праздника *родитель*, посвященного чествованию духов предков, и приходившийся на время полного завершения уборочной страды.

Татарские молодежные увеселения *аулак ой* «посиделки», устраиваемые девушками в каком-либо доме, когда хозяин уезжал, и в доме не оставалось мужчин, схожи с чувашскими посиделками *ларма*. Отличительной чертой *ларма* от *аулак ой* можно считать то, что в первом случае парни могли свободно посещать посиделки, а во втором случае дом, где происходила вечеринка, считался запретным для лиц мужского пола.

В обрядах новогоднего цикла чувашей много совпадений с обрядами татар-кряшен, которые называли этот период *нардуганом*. Например, молькеевские кряшены в святочные дни проводили гадания и ловили овец, вскладчину готовили «новогоднюю кашу» и варили пиво, а молодежь проводила *кыз сырасы* «девичье пиво». Группа ряженных, как и у чувашей, обходила дома жителей с благопожеланиями. Сроки проведения праздника *хёр сәри* у группы низовых чувашей *анатри* в целом совпадали с девичьими пирами крещеных татар в ареале их этнокультурных контактов на западе Тетюшского и на юго-востоке Цивильского уездов и хронологически соответствовали *кәшарни* – празднику периода зимнего солнцестояния, особо отмечавшегося у кряшен, татар-мишарей и чепецких татар, а казанские татары специального праздника, игрищ не проводили. Праздник *хёр сәри* не замыкался в рамках одного селения, так как основной его смысл заключался в расширении родственных и пространственных границ. В зонах этнокультурных контактов участницами пира становились девушки разных национальностей.

При рассмотрении вышеперечисленных обрядов можно сделать вывод о том, что наиболее близко к чувашам стоит молькеевская группа кряшен (села Молькеево, Старое Тябердино, Большое Тябердино, Хозесаново, деревни Полевая Буа, Камылово), которая выглядит особняком среди остальных этнографических групп кряшен. Традиционные обряды и верования, характерные для молькеевских кряшен, во многом схожи с верованиями чувашей, с которыми их предки издавна находились в тесном культурном взаимодействии и близкородственных связях. Исторические, лингвистические и этнографические данные говорят в пользу того, что жители означенных селений не татары, а чувашки. Как татаризованные и граничащие с Татарстаном, все эти селения в 1921 г. по административно-территориальному переделу были исключены из Чувашской Республики и причислены к Республике Татарстан.

Современная обрядовая культура чувашей отражает процессы общественно-политического развития российского общества и чувашского народа. Этноконсолидирующие тенденции способствуют преодолению не только узколокальных, но и, в определенных случаях (всероссийские *Акатуй/Сабантуй* и *Уяв*), региональных этнокультурных традиций.

Влияние межэтнических отношений на весь пласт культуры – процесс сложный и длительный. Во всех сферах жизни, где происходит взаимодействие культур, при тщательном анализе видно их взаимообогащение. В современных условиях чувашаи находятся в разнородной межэтнической среде, вступают в многогранные связи с разными народами, в частности, с татарами.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора

*Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК при Минобрнауки России*

1. Семенова Т.В. О некоторых особенностях праздника *хёр сáри* в календарной обрядности чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2011. – №1. – С. 116–120, (0,5 п.л.).

2. Семенова Т.В. Святочные обряды и развлечения чувашей в современном быту // Вестник Чувашского университета. – 2011. – №4. – С. 93–97, (0,4 п.л.).

3. Семенова Т.В. Масленичный обрядовый комплекс чувашей Волго-Уральского региона // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – Вып. 50. История. – С. 160–164, (0,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

4. Семенова Т.В. Религиозный фактор в деформации этнического сознания чувашского народа // VII Конгресс этнографов и антропологов России. – Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2007 – С. 107, (0,06 п.л.).

5. Семенова Т.В. Празднование *мункун* и *шимёк* в среде приволжских чувашей // Культура провинции: история и современность. Восьмые Короленковские чтения: материалы Международной научно-практической конференции. – Глазов, 2008. – С. 68–71, (0,14 п.л.).

6. Семенова Т.В. Александра Фукс – исследовательница истории и культуры народов Поволжья // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспективы: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Анны Васильевны Арсентьевой. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – С. 432–436, (0,4 п.л.).

7. Семенова Т.В. Обряд *ларма* в среде приволжских чувашей // Платоновские чтения: материалы и доклады XIV Всероссийской конференции молодых историков. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. – С.199–202, (0,14 п.л.).

8. Семенова Т.В. Обряд прохождения в «земляные ворота» в среде приволжских чувашей // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. – С.173–175, (0,14 п.л.).

9. Семенова Т.В. Особенности интервьюирования чувашских женщин в сельской местности в современных условиях // Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. – М.: ИЭА РАН, 2009. – С. 79–81, (0,14 п.л.).

10. Семенова Т.В. *Уяв* в жизни чувашей: история и современность // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. – С. 551, (0,06 п.л.).

11. Семенова Т.В. *Акатуй* в жизни чувашей: история и современность // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году земледельца в Чувашской Республике. – Чебоксары: ЧКИ РУК, ЧГИГН, 2010. – С. 228–232, (0,4 п.л.).

12. Семенова Т.В. Обряд моления о дожде (*сумър чўк*) в среде приволжских чувашей // Культурные традиции в условиях трансформации: материалы научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Н.В. Никольского. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 155–159, (0,4 п.л.).

13. Семенова Т.В. Периодическая печать Симбирской губернии как источник по изучению чувашских праздников и обрядов // «Актуальные вопросы истории, этнографии и антропологии»: материалы международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во «ЭНСКЕ», 2011. С.103–107, (0,2 п.л.).

14. Семенова Т.В. Обряд вызывания дождя у народов Поволжья // IX Конгресс этнографов и антропологов России. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – С. 145–146, (0,1 п.л.).

15. Семенова Т.В. Национальный праздник без границ // X Конгресс этнографов и антропологов России. – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 129, (0,05 п.л.).

16. Семенова Т.В. Чувашско-татарские параллели в святочной обрядности // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения П.В. Денисова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 120–124, (0,2 п.л.).